

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

ОЧЕРК

Когда Антон Павлович Чехов последний раз перед смертью уехал из своего ялтинского дома, Евгения Яковлевна, мать его, еще некоторое время срывала листки календаря. Пришла весть о смерти писателя, и время в этом доме остановилось.

На столе в кабинете выросла небольшая стопка напечатанной корреспонденции, на овечьих местах остались лежать карандаши, ножницы, ручка, остались в подсвечниках чуть обгоревшие свечи, в корзине под столом клочки бумаги.

Шли годы... Прошумела «сильная освежающая буря», которую так ждал писатель, прокатились через Крым валы невиданных в истории войн, но в этом доме пострадали лишь стекла. По вечерам в нем так же тихо, как в первые дни после отъезда хозяина. Те же свечи в подсвечниках, те же портьеры на окнах, то же одеяло на кровати.

Но время не остановилось. Глициния, которую хозяин собственноручно посадил у окна, взобралась высоко по стене и своими очаровательными гроздьями заглядывает к нему в кабинет; тоненький пруттик магнолии превратился в мощное дерево, раскинувшее над садом свои огромные чаши цветов на могучих

ветвях. Ее сильный аромат царит над всеми другими запахами этого чудесного уголка.

Время идет...

Когда по завещанию Антона Павловича Чехова хозяйкой дома стала его сестра Мария Павловна, а незнакомые люди все чаще стали просить ее показать их комнаты, в которых жил великий писатель, ей пришлось серьезно задуматься над тем, как сохранить все это. А сохранить хотелось во что бы то ни стало и не только как память о любимом брате: тайная мысль подсказывала, что сюда еще придут люди, много людей, этот дом нужен будет им.

И они стали приходить. Сначала по несколько человек в неделю, потом пошли каждый день, и она стала считать их сотнями в месяц, потом по несколько тысяч в год, а сейчас по этим тихим комнатам проходит столько людей, сколько успевает пройти за музейный рабочий день, а многие так и не могут попасть в него. Только 80.000 человек в год успеет побывать в этих комнатах, больше пропустить невозможно.

Что влечет их сюда?

Непередаваемое впечатление оставляет этот дом. Вот кабинет. О нем

много раз рассказывалось в статьях, очерках, путеводителях. Но когда войдешь в него, минуту постоишь, осмотришься, и вещи начнут сами рассказывать свои истории — забываешь о времени.

На небольшом камине — картина «Стога сена в лунную ночь». И вспоминаешь: вот здесь у огонька больной Чехов жаловался Левитану, как надоело ему южное великоопение, как не хватает средней полосы России, как хотелось бы увидеть ее с лесами, скошенными лугами, рьянами. Левитан тут же попросил у Марии Павловны картон, отрезал кусок нужного размера и очень быстро написал пейзаж.

Кресло у стола. В нем сидели Горький, Шалапин и другие великие люди.

На стене табличка, выполненная типографским путем: «Просят не курить». У некоторых посетителей она вызывает недоумение: «Стоит ли вешать ее? Неужели находились люди, которые могли закурить в этих комнатах?» Оказывается находились.

Однажды Мария Павловна зашла в кабинет к брату, когда у его стола сидел какой-то господин из преуспевающих дельцов и курил сигару. Едкий дым наполнил комнату. Антон Павлович сидел, опустив голову, и нервно потирал руки. Лицо его покрывалось пятнами. Это было признаком сильного раздражения. Следом за Марией Павловной вошел Гиляровский. Увидев писателя в таком

состоянии, — Чехов в то время совсем не переносил табачного дыма, — Гиляровский, ничего не говоря, сейчас же направился в типографию и там при нем набрали и оттиснули эту табличку.

Эпизод этот напоминает об одном удивительном качестве писателя: он никогда не возмущался вслух, никогда никому не делал выговоров, всегда находил силы сдерживаться. Только очень близкие люди узнавали, когда он чем-то очень раздражен: лишь его покрывалось пятнами, он опускал голову, а руки его потирали одна другую, изредка вздрагивая.

Об аккуратности и собранности хозяина говорит многое в этом доме. В нем нет неразобранных бумаг, каждая папка аккуратно перевязана шпагатом и сделано это самим писателем. Разобрать письма Чехова после его смерти не представило труда. Ежегодно, в первых числах января, всю корреспонденцию за прошедший год писатель разбирал по фамилиям и датам, ставил их, если они не были указаны, аккуратно перевязывал все шпагатом и складывал в специальный шкаф. Чехов не был филателистом, но некоторые марки, особенно понравившиеся ему, он снимал с конвертов и так же аккуратно связывал стопочками. Они и сейчас хранятся в кабинете.

Глядя на всю эту почти педантичную аккуратность, понимаешь, что ее нужно было выработать в себе, ина-

че не удалось бы сделать так много, прожив так мало. Мария Павловна рассказывала, что даже за свой письменный стол Антон Павлович садился не иначе как тщательно одетый с аккуратно завязанным галстуком. Он в любую минуту готов был принять гостя или куда-то поехать из дома. Только в последнее время, когда уже совсем плохо чувствовал себя и подолгу температуры, он работал в спальне в халате, часто ложась на кровать отдохнуть.

В спальне и теперь все на своих местах. Вот небольшой низкий шкаф, путешествовавший с семьей Чеховых из маленького таганрогского флигеля на Полицейской улице, где родился писатель, до Ялты. Евгения Яковлевна, мать большой семьи, хранила в нем сласти, и дети, любившие шутку и острое слово, называли его «многоуважаемым шкафом». Эти слова ввел впоследствии писатель в пьесу «Вишневый сад».

Если бы записать, что может рассказать каждая вещь о себе и человеке, которому она принадлежала, получилась бы толстая книга. Обо всем этом знала покойная Мария Павловна, и когда ее спрашивали, почему не напишет она все то, что так интересно рассказывает своим многочисленным гостям, она разводила руками и говорила о нехватке времени: были дела поважнее — сохранить в целости дом и сад.

В. СЕДЕГОВ.

(Окончание следует).

„Таганрогская правда“

г. ТАГАНРОГ

29 СЕН 1950